

Кто-то звал его по имени.

Снова и снова повторял его имя.

Это... моё имя.

Всё ещё томно погружённый в поверхностный сон, призрак, которого последние полгода называли «Сино», щёлкнул языком.

Я никогда не считал это имя своим. Насколько я помню. Меня так зовут только потому, что он начал его использовать... Вот и всё.

Призрак вроде него обычно не имел имени.

И это было не всё. У большинства даже не было ничего похожего на семейную историю или предков, которых можно было бы проследить.

Потому что у призраков не было предков, которые продолжали существовать из поколения в поколение, и не было родителей, которые праздновали рождение своего потомства и давали ему имя, желая ему счастья в будущем.

Все призраки рождались из застойного разложения, которое люди создавали, но удобно игнорировали. Они были слабыми существами, которые питались себе подобными.

Сильнейшие из призраков обретали силу, охотясь на другие формы жизни, и продолжали нападать и пожирать своих врагов, чтобы стать ещё сильнее.

И среди призраков, которые становились настолько могущественными, что люди начинали их бояться, редкие получали имя по земле, на которой они коренились.

Действительно, когда-то он был одним из них, великим и гордым.

Люди смертельно боялись его как того, кто контролировал места захоронений — не то чтобы его волновало, считают его «он» или «оно».

Ему нравилось ловить людей, которые бродили и отчаянно умоляли о побеге, мучить их, а затем съедать.

Ужас человека, столкнувшегося со смертью, был для него столь же желанно-сладким и вкусным, как их плоть и кровь. Призрак был поглощён нападениями и пожиранием их, превращая их жизни в силу для себя.

Была ли жертва младенцем, прекрасной женщиной, суровым мужчиной или стариком, уже почти завершившим свой жизненный путь, он находил удовольствие в том, чтобы наслаждаться своей «едой» как ему заблагорассудится.

Ничто в мире не пугало его.

Ни один человек в мире даже не мог до него дотронуться, не то что победить его.

Или он так думал...

...пока однажды ночью не наткнулся на того медиума, который беззаботно бродил по Торибэно только с флейтой в руке.

Верно. Мне нечего было бояться, и нечего до сих пор. Я ни капли не боюсь, — сказал он себе, крепко зажмурившись и стиснув зубы.

— Сино? Где ты?

Он всё ещё слышал голос того медиума, зовущего его.

Это был голос человека, который подставил его той ночью, не силой или жестокостью, а своим превосходным спокойствием и коварными замыслами. Прохладный, несколько ленивый голос раздражал нервы призрака больше, чем следовало.

Заткнись.

Это бесило Сино до чёртиков, и он сжал закрытые глаза ещё крепче.

Унизительно быть побеждённым слабым человеком, но это было ещё не самое страшное.

В битве с противником не бывает ничьей. Существует только победа или поражение.

Если выигрывал призрак, он съедал противника, а если проигрывал, противник съедал его.

Существовал лишь простейший обмен: обмен жизнью.

Это была единственная игра, которую призрак знал, но медиум мягко улыбнулся и сказал, что не убьёт его.

Затем он уменьшил могущественную силу демона проклятием, запер его в человеческом по форме «сосуде», связал именем Сино и сделал своим сикигами, или церемониальным божеством.

Но призрак был известен как враг, пожиравший любого, кто вставал на его пути, за что люди его ненавидели.

Естественно, многие выступили против идеи сделать его фамильяром для человека по имени Токифую Тацуми, который принадлежал к Бюро медиумов. Фактически, сам медиум смеялся, когда рассказывал Сино, что все были категорически против.

Однако, вопреки своему хрупкому внешнему виду, Токифую, казалось, был выносливым и гибким человеком, в чём был смысл, если подумать о том, как он перехитрил Сино и подчинил его.

Сделав Сино, который сеял хаос в древней столице, своим сикигами, Токифую мог теперь использовать могущественную силу призрака для защиты города.

Было бы полезнее заставить существо искупить свои грехи, а не просто убить его или запечатать где-то проклятием. Токифую терпеливо объяснял такие выгоды своему не желающему этого начальству в министерстве и в конце концов получил разрешение оставить Сино как своего сикигами.

«Но если ты хоть раз причинишь вред человеку... твоего уничтожения будет слишком мало в качестве расплаты, и я также буду вынужден взять на себя ответственность. Мои руки и ноги, вероятно, отрубят и закопают в землю как фундамент для защиты столицы», — деловито сказал Токифую со смехом.

Я его не понимаю.

Всё ещё настойчиво цепляясь за сон, Сино озадаченно склонил голову в своих мыслях.

Почему Токифую зашёл так далеко, что рискнул своей жизнью, чтобы сделать меня своим сикигами?

Даже шесть месяцев спустя, будучи вынужденным жить под одной крышей с Токифую, он совершенно не мог понять этого медиума.

Почему Токифую так одержим мной? Почему он запер меня, призрака, в сосуде с человеческой формой и почему обращается со мной, как с человеком...?

Это были вопросы, которые приходили ему в голову сотни раз с тех пор, как его сделали фамильяром.

Но как бы он ни думал, он не мог найти ответа.

Он спрашивал Токифую, но тот отделивался от него с той хитрой улыбкой и никогда не давал ответов.

Даже когда Сино пытался спокойно обдумать причины, которые искал, Токифую выкрикивал его имя забавным речитативом, будто читал стихотворение...

— Сино! Сиини-нооо!

Потеряв терпение, Сино резко открыл глаза и издал громкий, дикий вопль.

— Заткнись!

Затем он услышал мягкое «О?» и звук шуршащей одежды и чьих-то шагов, идущих из жилой части в сад.

Конечно же, это был Токифую.

Наконец, Токифую, одетый в охотничье платье, медленно подошёл к маленькому складскому помещению и заметил Сино.

Приставив руку ко лбу, чтобы заслониться от красного света заходящего солнца, Токифую подошёл под стреху дранковой крыши, на которой, скрестив ноги, сидел Сино.

— Как ты смеешь заставлять своего господина искать тебя по всему дому, затем орать на него «заткнись», а вдобавок сидеть там, где ты сейчас, и смотреть на господина свысока?

Слова были суровыми, но тон безмятежным. Он уже улыбался, глядя снизу вверх на Сино.

— Что плохого в том, чтобы смотреть на тебя свысока? — огрызнулся Сино, затем прыгнул с крыши.

Он приземлился без звука, скрестил руки перед своим господином и надменно сказал:

— Я и так выше тебя ростом. Я всегда смотрю на тебя свысока, просто стоя на земле. И вдобавок, ты сам навязал мне этот человеческий сосуд, так что ты и виноват.

Действительно, «человеческий сосуд», который Токифую дал Сино, был телом высокого молодого человека.

Оно не было мускулистым, но было гибким, как у большой кошки, и Сино мог двигаться как хотел... хотя, конечно, лишь в той мере, в какой может двигаться человек, но его движения были на удивление плавными от кончиков пальцев до пяток.

— В этом есть смысл, — мягко сказал Токифую и с любопытством посмотрел на надутое лицо Сино. — Я возможно и отнял большую часть твоей силы, но многие до сих пор говорят, что давать тебе мужское тело опасно, и что я должен дать тебе более слабый сосуд, например, хрупкой женщины или маленького ребёнка. Но тогда не было бы смысла превращать тебя в сикигами. Я рассчитываю, что ты выполнишь за меня немало тяжёлой работы.

— Не питай надежд. Я не желаю выполнять никакой тяжёлой работы. Я бы предпочёл быть хрупкой женщиной или маленьким ребёнком, если бы мне не пришлось работать на тебя таким образом. Дай мне другой сосуд сию же минуту.

Токифую, казалось, не был особо оскорблён высокомерным отношением Сино. Всё, что он сделал, — это с преувеличенным видом помахал шляпой, символизировавшей его статус благородного придворного.

— Ай-яй-яй. Слабый призрак вроде пыльного кролика стал бы милым, верным сикигами, как маленькая птичка или щенок, но с красноречивым существом вроде тебя слишком много хлопот. Неудивительно, что никто не пробовал раньше.

— Конечно, не пробовали. У тебя хватает наглости пытаться использовать меня как слугу, ты, простой смертный.

— Я, этот простой смертный, победил тебя, и ты жалко проиграл. Сино, я не знал, что тебе нравится принижать себя. Это очень скромно с твоей стороны.

— Что?!

Токифую говорил мягко, как всегда, но его слова были весьма суровы.

У него была привычка внезапно обнажать клинок, который он прятал глубоко в кармане.

Несмотря на то, что он проходил через это несколько раз, Сино снова был застигнут врасплох и в разочаровании закусил губу.

— Заткнись. В любом случае, что тебе нужно, если ты так настойчиво меня звал?

Токифую сузил и без того узкие глаза в полумесяцы, глядя на Сино, который явно умерил своё раздражение, и сказал:

— Это я тот, кого призывали, но не суть. Сходи на кухню и разведи огонь, хорошо?

— С какой стати я должен делать что-то подобное? — огрызнулся Сино, глядя исподлобья. — У тебя есть женщина на кухне, чтобы готовить. Пусть она и делает.

«Сосуд», который Токифую дал Сино, был телом взрослого мужчины, пусть и молодого. В любом случае, призрак был запечатан в нём и перенесён в человеческое общество всего лишь на короткое время. Он был подобен непослушному, неконтролируемому ребёнку, проходящему

через стадию бунта.

— Её больше нет, — тихо сказал Токифую. — Она ушла.

Сино нахмурился.

— Что? Опять? Она ведь только недавно начала работать.

— С тех пор как ты появился в моей резиденции, мои домашние слуги уходят один за другим, потому что боятся тебя. Я думал, что наконец нашёл кого-то нового, но этим утром она ушла.

— Хм, — фыркнул Сино. — Так тебе и надо. Похоже, ты забыл, Токифую, но люди склонны бояться призраков. Медиум, нижайший из людей, каким ты являешься, не должен был пытаться сделать такого призрака, как я, своим сикигами...

— Кажется, я только что сказал, что этот самый нижайший медиум захватил тебя.

— Заткнись! Закроешь ли ты когда-нибудь свой рот?!

— Думаю, это относится и к тебе, но как бы то ни было, иди на кухню и разведи огонь. К счастью, сегодня ночью будет полная луна. Давай вместе полюбуемся на прекрасную луну, выпьем сакэ и съедим сладкую рыбу аю.

— Аю?

Увидев, как в глазах Сино загорается искра интереса, Токифую сложил руки в форме крупной аю и показал ему.

— Да, аю. Мой друг беспокоился обо мне, живущем в запущенном доме с пожирающим людей призраком, и велел доставить мне отличное сакэ и полную, аппетитно выглядящую рыбу аю. Аю — твоя любимая еда, не так ли?

Сино сморщил свой изящный нос, как рассерженная собака, и его прекрасное лицо приняло выражение зверя.

— Я съем аю. Но что такое «друг»? Человек?

Застигнутый врасплох этим фундаментальным вопросом, Токифую, который был спокойным и собранным, выглядел слегка сбитым с толку.

— В данном случае, он человек, но... Ты иногда задаёшь простейшие вопросы, которые я скорее ожидал бы от ребёнка, и поэтому на них трудно ответить.

— О? Ты даже не знаешь значения того, что сам сказал? — усмехнулся Сино над Токифую, давая ему понять, что ему всё равно, как он себя ведёт перед господином.

— Я не сказал, что не могу ответить на твой вопрос. Я только сказал, что на него трудно ответить. Но... да, существуют разные виды друзей. Некоторые друзья видятся ежедневно, но в глубине души ненавидят друг друга, а другие всегда хранят место друг для друга в сердце, даже если не встречаются десятилетиями.

Морщинки вокруг носа Сино стали глубже. Он выглядел настолько свирепо, что если бы он был собакой, то вцепился бы зубами в горло Токифую в любую минуту.

— Как глупо.

— Люди таковы. У нас сложные отношения с другими. Когда-нибудь ты это поймёшь. Но... друг, который дал мне аю, — один из немногих друзей, на которых я действительно могу положиться. О, но это не совсем точно. Я должен был честно сказать, что он единственный друг, которому я искренне доверяю.

— Ты живёшь в столице среди множества людей, но можешь доверять лишь одному человеку?

Токифую неопределённо кивнул, печальная улыбка скользнула по его гладкому лицу, которое выглядело несколько похожим на театральную маску Но.

— Мне становится немного не по себе, когда ты так это формулируешь, но ты прав. Однако, Сино, иметь друга в этом мире, которому можно верить, даже если это всего один человек, — это великое благословение. Когда-нибудь ты это поймёшь.

— Как бы не так, — мрачно сказал Сино. — Меня ни капли не интересуют люди, которые ведут себя запанибрата друг с другом.

— Узы истинной дружбы — это не только вести себя запанибрата, — сказал Токифую, словно вразумляя ребёнка. — Если когда-нибудь... это может быть вообще возможно, я надеюсь, что вместо того, чтобы называть друг друга господином и слугой, мы однажды сможем назвать друг друга другом.

— Эй, не зазнавайся, человек! Такой день никогда не настанет!

— Никогда... Мм.

Сино разбудил звук собственного голоса.

В комнате было темно, в ней стоял тот же знакомый запах старого дома, в котором он находился, и Сино чувствовал текстуру хлопкового стёганого одеяла, которое ему нравилось...

Не было никаких сомнений. Он лежал под одеялом в своей комнате в «Богё:до:».

Он чуть повернулся на бок и увидел свои старинные будильник, показывающий тридцать четыре минуты второго ночи.

Мне снился сон... о тех давних днях.

Призракам не нужно было спать каждую ночь.

Но отдохнуть было неплохо, и Сино довольно любил лежать на своём матрасе.

Пока он бодрствовал, ему приходилось поддерживать этот раздражающий сосуд — человеческую оболочку, которую его господин Токифую навязал ему тысячу лет назад, и прилагать усилия, чтобы он функционировал, но как только он ложился на матрас, он мог расслабиться.

Когда он мог летать высоко и далеко в небе, не думая об ограничениях гравитации, это было похоже на возвращение старого чувства свободы, и это было прекрасное ощущение.

Конечно, он всё ещё не мог выбраться из человеческого сосуда, в котором находился, но было неплохо иметь возможность наслаждаться этим чувством свободы хотя бы немного.

Но почему мне снится Токифую сейчас...? А... понял.

Сино взглянул на место рядом с собой.

Он посмотрел на маленького мужчину, который спал под тем же одеялом, свернувшись клубочком, как кошка, которой там не место.

Это был слабый человек-мужчина, которого Сино, слуга Токифую, сделал своим собственным слугой.

Мужчина спал в скромной позе, но его дыхание было ужасающе расслабленным. Таким был Масамити Адачи... со слабым бледно-золотистым свечением, исходящим от всего его тела.

Это было то, что современные люди, кажется, называют аурой — небольшое излучение ци — энергии жизни, которой обладают люди.

Невооружённым глазом оно было не очень заметно, но призрак вроде Сино мог ясно видеть цвет ци каждого человека.

Золотистая ци Масамити была очень необычной, и за последнюю тысячу лет Сино знал только одного другого человека с таким же цветом ци.

Токифую.

Вот... почему мне приснился Токифую — потому что рядом была ци этого парня. Да. Вот и всё.

Я ни в коем случае не сентиментальничаю.

Горько бормоча про себя без звука, Сино отвернулся от Масамити... вернее, от ци Масамити. У неё был тот же цвет, что и у его покойного господина, и она напоминала ему солнечный свет, просачивающийся сквозь листву деревьев. Затем он снова закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/13974/1694154>